

Скачки / повесть

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 22 января, 2025

Скачки / повесть

СКАЧКИ

Часть первая

ВЕСНА

С полуночи и до того предрассветного часа, когда засияет утренняя звезда, в пору, пока люди спят самым сладким, самым глубоким сном, горит на небе Окузче¹. Коварна эта звезда. Она восходит над горизонтом почти там же, где и Зухра², и светит очень похоже – только опытный глаз может различить их. Сколько путников бесследно сгнуло в пучине Черных Песков, сколько караванов сбилось с дороги, доверившись манящему блеску Окузче! За это и зовут ее теперь не прежним славным именем, а Кервенгыран – Истребительница Караванов. Древнее название позабылось, почти исчезло из народной речи. А если прилепится к кому прозвище «кервенгыран» – значит ненадежный, скользкий человек, нет ему веры...

В ту весеннюю ночь небольшое селение Ханар мирно спало, когда в урочный час взошла Кервенгыран. Ее мерцающий свет манил на северо-восток, туда, где рыжей львиной шкурой раскинулись пески Каракумов. А к югу от селения были хребты Копетдага. Облака ползли через перевалы, вершины, как всегда в эту пору года, укрыла плотная пелена тумана, и потому горы казались невысокими. Появление Кервенгыран встревожило только петухов. Они встрепенулись на насестах и прокричали второй раз за ночь: предупредили хозяев, что приближается рассвет.

1 Планета Юпитер, от туркм. «окуз» – бык, телец. (Здесь и далее – примечания переводчика).

2 Планета Венера.

Ночь была светлой, лунной. По безлюдному селу кара-ульщиком лениво прогуливался шаловливый ветерок. Ему здесь было просторно, кибитки стояли далеко одна от другой. Казалось, они хотят разбежаться, и разбежались бы, когда б не соединяло их множество тропок: одни – те, что пошире, – держали крепко, словно путы из сыромятной кожи, другие – чуть угадывались в молодой густой траве. Кое-где, нарушая однообразие, чернели, растопырив голые ветви, тутовники. Всякое другое дерево почитали ханарцы бесполезным. Зато вокруг села были густые заросли, настоящий лес, чьи ревнивые объятия защищали Ханар от наступления песков и от ветров с гор.

Самый могучий тутовник рос рядом с третьей со стороны песков кибиткой. Вековое дерево как бы благословляло ее своими сильными ветвями. Но покоя в этой кибитке не было. Всесильный сон, что с вечера убаюкал всех ханарцев, всех от мала до велика, обошел ее стороной. Хотя ночь пошла уже на исход, ее обитатели не спали. Пожилые супруги, что жили здесь, лежали без сна, ворочались с боку на бок, каждый на своей половине кибитки.

Огонь в очаге почти прогорел. Остатки тепла уносились к разверстому куполу кибитки. Сары-ага – седобородый, с бритой головой, повязанной линялым ситцевым платком, лежал на голой кошме в одном исподнем, скрючившись, как ребенок, чтоб согреться. За спиной слышалось негромкое размеренное дыхание жены. Самому ему редко удавалось быстро заснуть в ночь перед скачками. Он мысленно сравнивал с Шункаром других лошадей, заявленных к заездам. В резвости своего жеребца Сары-ага не сомневался. Но порою им беспричинно овладевал страх поражения, и тогда он вставал, шел к коню, чтобы еще раз убедиться – Шункар готов к предстоящей борьбе.

Сегодня старого сейиса мучала иная тревога. Зачем только старая сказала, что Мутьки нет дома – как ушел с вечера, так до сих пор не вернулся? Такого с сыном прежде не бывало. Обычно уже за день до скачек он не покидал Шункара, ходил по двору, как жених, радостно и в то же время загадочно улыбался, предвкушая победу. Где его только носит, негодника? Знает же, время беспокойное...

В песках протяжно завывали шакалы. Их рыдающий плач был так безнадежен!.. Умолкли они, у ховуза, что рядом с кибиткой Сейита Кары, проснулись лягушки. У одной из них голос был особенно звонок; упиваясь его звуком, она самозабвенно, без умолку верещала, дразня подружек.

От бессоницы старик чувствовал себя совсем разбитым; в ушах стоял протяжный звон, в голове роились несвязные, путанные мысли. Неясно приходила одна, не успев завладеть сознанием, отступала, теснимая новой, столь же неопределенной. На миг сейису пригрезился тот самый жеребенок, что часто возникал перед его внутренним взором в минуты душевного смятения. Дрожащее, беззащитное существо пыталось подняться на ноги, но они, слабые, тоненькие, как тростинки, вдруг подламывались – жеребенок падал. Старик тогда страдал, точно боль ушиба пронзала его сердце. Сейчас и эта картина не смогла надолго завладеть его воображением. Жеребенок исчез, растворился в голубоватом сиянии, спугнутый какой-то случайной мыслью.

Сары-ага облегченно вздохнул: сегодня ему достаточно собственных болей и тревог. Сумятица мыслей, их неопределенность угнетали душу, от этого казалось, еще злей стала ломота в суставах, что мучала с прошлой пятницы. Да, с годами хвори приходят незванно, а изгнать их все тяжелей. Ноги, что так легко носили его по земле, теперь временами словно чужие. Когда ловкие руки жены разминают ноющую спину, растирают холодные онемевшие ступни, он испытывает порой удовлетворение столь сильное и глубокое, какое прежде не давала и страсть.

Иногда внуки, шая, топчут ему спину. Это совсем не то... Что они могут?.. Былиночки! Но все же это лучше, чем лежать, как сейчас, ожидая, как резкая, сводящая с ума боль пронзит беззащитную плоть.

О, дети!.. Никогда не поймешь, что у них в мыслях. Сынишка Мульки – четырехлетний Еламан – пугается, когда двоюродные братья, радуясь забаве, мнут деду спину. «Не бейте дедушку!» – кричит он сквозь слезы, кидаясь на детей Нарлы с кулачками. Как ему объяснить, что те не хотят дедушке зла? Посадишь его на колени, приласкаешь, он, поддавшись уговорам,

успокоится, простит братьев, а на следующий день все повторяется.

Вспомнив внуков, Сары-ага молитвенно провел ладонями по лицу, призывая к ним благодать Всевышнего. Потом со стоном перевернулся на спину и стал смотреть на звезду, что висела прямо над кибиткой. Казалось, стоит ей ненароком сорваться и, провалившись сквозь туйнук, она упадет на угли очага. Через некоторое время звезда исчезла из виду...

Ему почудились шаги. Сары-ага приподнялся на локте, насторожился. Нет, кроме противного кваканья – ни звука. Разве можно так долго засиживаться в гостях? Болтает, забыв обо всем на свете, а хозяева поддакивают, в душе проклиная настырного гостя.

Он нашарил чокаи, надел их на босу ногу, вышел из кибитки. Прохладный, ласковый, как ладони невесты, весенний ветерок коснулся старческой щеки. Сердце Сары-ага сразу смягчилось: «Эх, весна, душу за тебя не пожалею!..»

Он огляделся: все вокруг было знакомо до мелочей. Слева темнела кибитка старшего сына. Оттуда слышался негромкий храп Нарлы. «Может, разбудить его? Сказать, что Мульткаман до сих пор не вернулся», – подумал старик, но тотчас отказался от этого намерения. Зачем еще кого-то тревожить! А в кибитке Мультки тихо. Может этот негодник давно уже потихоньку вернулся? Нет, Шункар подал бы голос, приветствуя своего наездника. А невестка – надо же! – спит себе, ей все равно – дома муж, нет его. Есть же такие жены!

Его Гюльрух, слава Аллаху, не такая! Как-то в молодости, вскоре после рождения Нарлы, он задержался на свадьбе, слушал бахши. Пришел домой на рассвете. Жена ждала его, сидя на земле у входа в кибитку. Услышав его шаги, тотчас вскочила на ноги. «Вернулись?» – чуть слышно прошептала она и разрыдалась, спрятав лицо в ладони. И теперь она такая же беспокойная! И с Нязик повезло... Чуть Нарлы припозднится, она уже места себе не находит. Жаль только, зло на детях срывает, бьет их по пустякам. Но лучше уж быть такой, чем бессердечной, как младшая невестка. Впрочем, мудрено ли стать безразличной, если Мультки чуть ли не через день приходит домой за полночь? Как ни

тяжела ноша, все равно к ней в конце концов привыкаешь.

Шункар догадался, что хозяин поблизости, негромко фыркнул. Для капризного, как у ребенка, старческого сердца это было лучшим лекарством. Сары-ага благодарил Аллаха, что тот дал ему коня, способного сопереживать болям человеческой души. Всю жизнь он выхаживал коней Дурды-бая, выводил их на скачки и, конечно, радовался, когда зрители, славя победителя, кричали: «Это конь сейиса Сары!», но мечтал он с молодости о собственном скакуне. Лишь к семидесяти годам посмел он, не побоявшись расходов, осуществить свое желание. О, это совсем не просто! Разве мало несчастных, что боятся приблизиться к цели, предпочитают пустые мечты радости обладания?

Аллах наградил его за решимость. Слабый, беспомощный жеребенок за три года превратился в могучего, быстрого, как ветер, коня, которому сейчас нет равных в округе.

Хотя это не принято, Сары-ага накрыл затишь хворостяной крышей, чтоб никто не сглазил Шункара, купил у чабанов волкодава – могучего, злого пса, с сильными лапами и лобастой, как у теленка, головой. Тот мог часами лежать недвижимо, греясь на солнышке, но стоило показаться на дороге чужому – раздражался яростным лаем, пугая детей.

Гюльрух-эдже сразу невзлюбила Алабая, все норовила прогнать его подальше от кибитки. «Чего ты от него хочешь? На то и собака, чтоб лаять, охранять дом», – сердился Сары-ага. «Вот и пусть лает, когда воры придут, – ворчала Гюльрух-эдже. –

Покоя от него нет: как колотушкой по голове.» Но без Алабая никак нельзя. Недавно старуха все-таки заставила внуков прогнать собаку в заросли, и в первую же ночь кто-то, прознав об этом, попытался похитить Шункара. То был не чужой человек, иначе бы Шункар не подпустил его к себе. Конь тревожно заржал, и Сары-ага мгновенно проснулся. «Мульки!» – крикнул он, выбегая из кибитки. Черная тень выскользнула из затиши и тотчас растворилась в ночи. Через мгновение Сары-ага услышал, как трещат ветки кустарников, кто-то не разбирая дороги уходил зарослями. Пришлось вернуть в дом Алабая. Теперь старуха терпела его, изредка сама кормила собаку. «Нака-зывали бы конокрадов, как в былые времена, никто бы не позарился на

чужую лошадь. Это ведь все равно, что крылья оборвать птице!»

– с досадой думал Сары-ага, возвращаясь в кибитку.

Осторожно, чтоб не зашуметь ненароком, он пробрался к своей постели.

– Что, отец, этот беспутный еще не вернулся? – слышался громкий шепот жены, лежавшей по другую сторону от очага.

Сары-ага не ответил.

– Разбаловали его. «Младшенький, младшенький...» – вот и дождались. Верно говорят: держи камыш крепко, иначе руки порежешь. Для себя живет... – распаляла сама себя Гюльрух-эдже.

– Тише ты!.. Не глухой. Внуков сейчас разбудишь, – прикрикнул Сары-ага. – Поспи немного, уже Кервенгыран взошла.

– Уснешь тут!.. Вы бы с ним, отец, поговорили. Не ребенок уже, у самого трое. Нечего по ночам шляться!

– Убивать надо мужчин, что женам потакают. Слово скажешь по-доброму, так сразу начнет поучать. Спи!

Гюльрух-эдже некоторое время молчала, ждала, пока муж остынет, потом виновато произнесла:

– Все сердце материнское... Да вы и сами уснуть не можете. Матери ему не жалко, хоть бы вас пощадил.

Сары-ага вздохнул.

«Где ж он пропадает, бездельник? Не доведут эти прогулки до добра. Уж не спутался ли с какой?.. Упаси его, Аллах, от бездны распутства! Эх, молодость!.. Жар в крови пьянит похуже вина».

Ему самому однажды лишь чудом удалось уйти от соблазна. Генджали-ага – его отец – тоже был сейисом у бая. На одном из его коней Сары-ага – тогда еще молодой, но уже прославленный наездник – участвовал в скачках. Он возвращался с ристалища, когда ему повстречалась младшая жена хозяина. Сары остановил коня, поздоровался.

– Хороший конь! – поглаживая гриву, сказала молодая женщина, глядя прямо в глаза Сары.

– Да я и сам не плох, – вырвалось у него невольно, чары красотишки лишили его разума.

– Посмотрим, – улыбаясь одними губами, сказала женщина. – Приходи в полночь к нашей бахче, – добавила она и, закрыв лицо платком, торопливо пошла прочь.

Он, ошарашенный, долго смотрел ей вслед.

«Кто бы мог подумать!.. Любимая жена бая, красавица, которую воспевают бахши! Вот, что значит, люди нутром разнятся! В селе глаз на мужчину не поднимет, а тут... Сама, как говорится, балаки к щиколаткам спустила...»

Нет, так говорит его старость. Тогда он был в самом расцвете, слова красоты взволновали его. Весь день Сары мучали сомнения. То он пытался оправдать женщину, что терпит бессильную любовь старика, то проклинал ее, боялся, что она посмеялась над ним. Сто раз давал он в мыслях зарок не идти на свидание, но у Искусителя сто одна уловка! Когда приблизился час встречи, он решил все-таки пойти на бахчу, посмотреть придет ли туда женщина.

Она ждала. Увидев ее, Сары вмиг забыл о всех своих клятвах. Но Аллах не дал свершиться греху. Ночной ветерок переменял направление; почуяв своего наездника, звонко, призывно заржал жеребец на байской конюшне. Женщина испуганно вскрикнула, путаясь в длинном подоле платья, неловко побежала к дому.

«Будет ли Всевышний так же милостив к сыновьям?.. Дети редко оправдывают надежды. Ждешь от них многого, а они ничего не сделают без подсказки. Если и сделают что, так по-своему.»

Нет, Нарлы не такой, всегда старается угодить. Весь день в трудах, на нем и дом держится. Люди – то ли в похвалу, то ли посмеиваясь – говорят, что он двойник собственного отца: и ходит так же степенно, и говорит с расстановкой. Но откуда же тогда ожесточенность, которая порой так пугает Сары-ага? Разве он был таким? Да, бывал строг, за шалости сыновьям спуску не давал – таков долг отца! Однажды, неожиданно вернувшись домой, он увидел, как Нарлы «учит» братьев. С тех пор Сары-ага перестал сам наказывать младших. У Нарлы это получалось ничуть не хуже, чем у него самого. После его тяжелых, как камни, кулаков, братья шелковыми становились. Меж собой прозвали его – Нарлы-дяли, сумасшедший Нарлы. «Им добра желаешь, а они обзываются», – пожаловался он как-то отцу.

Лишь рядом с младшими был он смел и решителен, скор на расправу. В остальном – безропотно подчинялся отцу. Это было Сары-сейису по душе. А если Нарлы решался сделать что-то по-своему, сейис всегда находил повод придраться: «Пока я жив, делай, что отец говорит!» Восемь лет назад Нарлы послали на первый съезд союза «Кошчи».1 Он купил в Ташкенте кожаную тужурку и картуз с лаковым козырьком. Щеголять в обновках ему довелось только один день. Вечером, увидев сына в новом наряде, – так одевались только уполномоченные, что изредка приезжали в Ханар из города, – Сары-

ага сказал: «Сними-ка это, сынок. Нет ничего лучше привычной одежды». Нарлы не посмел ослушаться отца, отдал фуражку сыновьям. Соег и Аннам теперь носили ее по очереди. А из тужурки Нязик скроила что-то детям. Когда через несколько месяцев решили, что Нарлы не справился с обязанностями, его так и подмывало напомнить сыну о ташкентских обновках, но сейис пожалел беднягу.

Прежде у Сары-ага было четверо сыновей. Было... Ела-ма-на, беспечного весельчака, люди принесли из песков завернутым в тряпье. Иламан пропал без вести. Шесть лет назад ушли они из дому, обещали скоро вернуться...

Когда у Мульки родился сын, Бахар сказала свекрови: «Позвольте назвать вашего внука именем деверя». Сары-ага помнит, как обрадовалась жена. Так в дом вернулся Еламан. Позже Нарлы захотел назвать сына Иламаном. «Не надо», – запретила Гюльрух-эдже и разрыдалась.

Нелегко растить детей, и еще труднее тому, кто беден. Верно говорят, что дети – сладостная мука! Пока он так и не дождался сладости, а вот горечи пришлось испытать вдоволь. Сил не жалел, чтобы вывести сыновей в люди, чтобы их жизнь была светлей, чем у него. Многого ли он достиг? Если исполнятся желания всех, кто мечтает о богатстве, в мире останутся одни бедняки. Революция... Говорили, что Аллах прислал архангела Михаила навести порядок. Разве ангел способен смягчить сердца

богатых?.. Они озлобились, стали хуже диких зверей. Сколько крови уже пролилось в этой смуте, сколько ее еще прольется! Может, и впрямь Исрафил возвестит скоро конец света. Повсюду только и говорят об этом. Поначалу это страшило, теперь люди притерпелись, привыкли. Сказочный дэв пугает только детей! Надежда никогда не покидает человека!..

У Сары-ага было полтанапа земли и четверть су воды, кроме того Дурды-бай платил ему за выездку своих коней. Этим он и кормил свою семью. Еще он выращивал арбузы на богаре, но большая часть урожая доставалась шакалам.

По краям его участка росли фруктовые деревья, все остальное занимал виноградник. Он выращивал гелинбармак и монты. К земле его, как других, не тянуло. Он привык жить, доверяясь чувству, для земледельца оно плохой советчик. Спрашивается, когда обрезать виноград: весной или осенью? Если сделать это весной – лоза истекает соком почти неделю, осенью слезы кончатся быстро... Он обрезал осенью... Всегда срезал молодые побеги, только в прошлом году спилил почти под корень старые, молодые лишь укоротил – урожай получился на славу. Просто!.. А чтобы понять это, пришлось прожить жизнь...

Пора проездить Шункара, а этого негодника все нет, – раздраженно подумал Сары-ага. – Не мог же он забыть, что сегодня скачки. Ведь он готовился, с утра вымыл Шункара песком. Нет, если случилась беда, конь бы почувствовал. Раз Шункар спокоен, значит все в порядке.

Старик вспомнил, что Мульки собирался идти на холмы, слушать девичьи ляле. Он хотел запретить, но передумал: песни девушек очищают душу, перед скачками это не повредит наезднику! Он и сам не прочь насладиться звонкими девичьими голосами, но куда ему теперь, старику! Когда молод, тебе открыты все двери, но, чем дольше живешь, тем меньше их становится, пока не останется одна-единственная, что ведет на тот свет. Когда-то, слушая, как поют девушки, он впервые увидел Гюльрух. Она знала всего два куплета, и всегда торопилась спеть первой. Настойчиво, порой грубо отстаивала это право у подружек. Споеет, а после молчит, разве что припев подтянет. Сары-ага на всю жизнь запомнил ту незамысловатую ляле. Иногда, если было настроение,

учил запавшим в память словам внучек:

Над моим цветочком алым
Тень горы нависла...
Той, кого полюбит старый, –
Жизнь ненавистна.

Голос у Гюльрух был низкий, с хрипотцой.

Убегает речка прочь –
Грусть моя не тонет.
Не браните, мама, дочь –
Она гостья в доме.

Всякий раз, когда теперь случалось услышать девушек, Сары-ага с волнением ждал, что прозвучат и эти ляле. Напрасно, нынче их, кроме него, никто не помнит. Разве что Гюльрух.

Сары-ага повернул голову, посмотрел туда, откуда слышалось ровное дыхание жены. Он помнил ее озорной, бойкой девушкой, кокетливой молодницей, стыдливо прикрывавшей лицо платком, – знала, что это будит в нем желание. Теперь былая красота утонула в морщинах. «Уснула», – подумал Сары-ага.

Но Гюльрух-эдже не спала. Сын все еще не вернулся, ее тревога с каждой минутой нарастала. На миг она задремала, но ей тут же приснился всадник с окровавленным лицом. Он звал на помощь. «Мама-а!» – узнала она голос Мульки. Теперь она боялась уснуть, чтобы страшное видение не пригрезилось вновь.

Соседский Абды вот так же ушел вечером, и напрасно родные прождали его всю ночь. Через три дня в песках нашли его обезображенный труп. Откуда у него враги? Тихий, трудолюбивый человек, которому и дела не было до этой распри между бедными и богатыми. Что говорить о чужих! Кому помешал ее Еламан? Где Иламан, какие черные силы носят его по миру, мешая вернуться к родному очагу? Нет, надо верить, что он жив. Если что-то случится с Мульки, его отец не переживет этого. Это у женщин сердце крепче камня – мужчины слабы духом. О, Аллах, за что ты испытываешь нас? Ты ведь знаешь, в этом доме нет

неправедного богатства!

Время тянулось невыносимо медленно. Чуть слышный шорох казался Гюльрух-эдже шагами Мулькамана, гулкие удары собственного сердца – топотом копыт... «Вдруг это басмачи?.. Они уже однажды нападали. Тогда, слава Аллаху, обошлось без жертв. Теперь не помилуют. Разве им ведома жалость?.. И скот угонят!

– Ей казалось, что топот приближается, стал отчетливей и чаще. – О, Аллах, неужели Мухаммеду-серке не суждено справиться той в честь внука? Бедняга в долги залез, чтобы угостить соседей... Господи, не преврати день радости в час скорби!..» Она понимала: все страхи из-за того, что Мульки нет дома. Спал бы сын в своей кибитке, она бы, пожалуй, и не вспомнила о Мухаммеде-серке. Невестка тоже хороша! Настоящая жена умеет привязать мужа к дому: такими путами оплетет – следом ходить будет! «Ох, уж эта женская покорность! Но не ей же учить невесток строптивости? Мужчины слишком о себе воображают!.. – Гюльрух-эдже опасливо покосилась на мужа. –

Человек сам кличет свою смерть. Ходил сегодня, улыбался весь день. Чуюла, не к добру! А после полудня все левый глаз дергался. – Испугавшись своих мыслей, Гюльрух-эдже посмотрела на очаг, где догорая, багрово перемигивались огоньки. – Языку своему он не хозяин! Небось, сказал кому-нибудь правду, а этого не любят. О, Аллах, будь прокляты мои мысли!..»

Она попыталась думать о хорошем, чтобы не накликать беды, но, видно, слишком сильно было ее беспокойство: припомнился день, когда люди принесли бездыханного Еламана.

– Ты что, плачешь?

– Нет, нет, – торопливо ответила Гюльрух-эдже, сдерживая рыдания. – Не обращайтесь на меня внимание.

– Хватит. Долго я ждал, пока он ума наберется. Все развлекается. Слово скажешь – дуется, прячется от меня. Придется иначе учить его!

– Мало ли что случилось!.. Так-то он всегда дома, с детьми. Какое-нибудь дело задержало...

– Хорошими делами по ночам не занимаются. Знает же, что скачки сегодня. Пора проездить Шункара. После рассвета пользы

не будет!

«Только о лошадях и думает!.. Жив ли сын? Вот о чем думать надо». – Произнести это вслух Гюльрух-эдже не решилась. Зря вечером пожаловалась мужу на Мулькамана. «Отрезать мой болтливый язык!» – подумала она.

Она свято верила: жена – опора для мужчины. Ее долг – помогать ему и повиноваться. Так жила сама, так учила жить невесток. Своей судьбой была довольна, просила у Аллаха такой же для дочерей. Она не должна была допустить этого. О, если б ей было с кем поделиться! Невестка молчит. Даже не сказала, что мужа нет дома...

Бахар привыкла к отлучкам мужа, спала без тревоги. За полночь, в самую сладкую пору, ее разбудил Еламан, тронул за руку:

- Хочу...
- Ступай, милый, сходи сам.
- Там джины, я боюсь.
- Глупенький!

Они вышли из кибитки. Оправившись Еламан высоко закинул голову, громко зевнул. С запада, наползая на луну, неслись длинные черные тучи. Еламан испугался, прижался к матери.

- Видишь! А ты говорила, что джинов нет.
- Это облака.
- Днем – туча, а ночью – джин! Бабушка говорила: «Кто не спит, тех джины заберут.» А наш отец смелый, он джинов не боится.

Бахар потянула сына за руку.

- Все! Спать.
- Мне приснилось, – говорил Еламан, забираясь под одеяло, – будто я на Шункаре катался. Только ты не рассказывай! Скажет, если катался – больше в седло не посажу. А я ведь спал... Отец меня покатает?

Постель мужа была холодной, как лед. «Свекр один-единственный раз не ночевал дома», – с обидой подумала Бахар.

- Конечно покатает, – успокоила она сына; поправила одеяло, под которым рядом с ней спали дочери. Со двора слышалось тихое рычание Алабая, Бахар торопливо нырнула в

постель, укрылась с головой.

Алабай, потревоженный шагами, увидев Мульки, опустил лобастую голову на лапы. Хозяйский сын, воровато озираясь, осторожно пробрался в затишь. Сонный конь испуганно шарахнулся в сторону. Мульки обнял его шею, прижался щекой к шелковистой гриве.

– Это я, Шункар, – шепнул он. – Не признал? Заснул, не дождался... А я не хочу спать. Совсем не хочу! – Он потрепал Шункару челку. Конь недовольно раздул ноздри, дико покосил глазом. – Думал, что не придет? Пришла, шесть косичек заплела. Ох, эти косички! Они как черные ручейки!.. Ты уж мне поверь: вся девичья красота в них. Куда она только исчезает, когда косы заброшены за спину? Курбангуль, она, как пери. Умереть готов ради ее объятий! Сегодня все от тебя, Шункар, зависит. Ты уж не подведи, конь!

Шункар обиженно фыркнул.

– Эх, и влетит мне от отца, если узнает, что не дал тебе спать. Но не спи, прошу. Кроме тебя, не с кем мне поделиться. Со двора слышалось негромкое покашливание отца. Он словно не решался подойти поближе.

– Это ты, Мульки?

– Да, отец. Я давно уже здесь.

– Выйди! Пусть Шункар отдохнет до прогулки.

Мулькаман медлил. Лгать стыдно, так его учили с детства. Но это Шункару можно открыть правду, а отцу придется солгать. Он еще по дороге домой придумал, что скажет. Ничего не поделаешь, бывает, извилистая тропинка короче прямой дороги. Так же и ложь: когда знаешь, что тебя не поймут, легче солгать, чем объяснить, как все на самом деле. Кто умеет лгать, тому легче жить.

Сары-ага стоял у колодца.

– Ты где это бродишь? – сказал он свистящим шепотом, когда сын вышел из затиши. – Мать всю ночь не спит.

– У Атаджана был, – так же шепотом ответил Мульки. – Сейиту-аге что-то нездоровится. «Посидите со мной, – говорит. – Спойте, все мне легче будет!» Потом стал старое

вспоминать. Уйдешь – обидится. Я и так уж переживал: сегодня ведь скачки.

Сары-ага молчал. По лицу нельзя было понять: поверил он или нет.

– Из кибитки-то хоть выходит? – сказал он наконец.

– Уже лучше. Шутил с нами: «Унаш, – говорит, – любую хворь прогонит. Жаль, много хворей накопилось, где столько лапши взять!»

– Если на скачки не придет, надо его завтра проведать. Ступай, выезди Шункара. Не долго только, как солнце взойдет – возвращайтесь!

Поправляя платок, из кибитки вышла Гюльрух-эдже.

– Ты где же это был? Знаешь ведь, что отцу нездоровится. Перепугал нас до смерти.

– Чего бояться! Я ведь не маленький, слава Богу, уже за тридцать. Вы все тревожитесь, словно я ребенок. – Солгать второй раз кряду Мулькаман не решился.

– Время опасное, сынок, сам знаешь. Ты бы хоть предупреждал, когда уходишь, – попросила Гюльрух-эдже.

– Я говорил жене.

– Невестка ничего нам не сказала.

– Она лишнего слова не скажет. Перед смертью и то, наверное, не помолится.

Издали донесся распевный голос Сейита Кары. Мечети в Ханаре теперь не было, и вот уже несколько лет Сейит вместо муллы каждое утро читал утреннюю молитву – саят-субхи – на крыше своего дома. Его красивый голос будил односельчан, прогонял сон безотказней подзатыльника.

Село просыпалось.

Нязик развела рядом с тамдыром небольшой костер, чтобы вскипятить воду для чая и, как всегда по утрам, стала подметать двор. Она искренне верила, что ночами вокруг кибиток бродят злые духи, если не замести их следы – может случиться беда. Гюльрух-эдже присела у костра, принялась подкладывать хворост.

– Отдохнули бы, зачем вам беспокоиться, – шепнула ей на ухо Нязик.

– Это мне не в тягость, невестка, – улыбнулась Гюльрух-эдже. – Зябну что-то в последнее время, даже приятно посидеть у огня.

Бахар шла доить корову; поклонилась, приветствуя свекровь. Попенять ей собиралась Гюльрух-эдже за то, что с вечера не сказала, куда пошел Мульки, но передумала: по утрам Создатель благословляет мир, благословляет каждый порог, люди должны быть приветливыми друг к другу. С улыбкой спросила, как спали дети.

Сары-ага молился. В такие минуты, он знал, надо отречься от всего постороннего, суетного, но сегодня это ему не удавалось. «Это что же, Мульки только пришел?» – услышал он злой голос Нарлы. Сары-ага внутренне напрягся, прислушался, но, что ответила Гюльрух-эдже, не разобрал.

А Нарлы разбушевался:

– Где он пропадал? Небось и не предупредил никого? Этому ослу хлеб в глотку не полезет, если не заставит близких страдать. Эй, Мульки!.. Иди-ка сюда, поговорить надо.

Сары-ага снова зашептал слова молитвы.

– Сынок, не трогай его! – крикнула Гюльрух-эдже. – Стойте! – Братья шли гуськом по тропке, что тянулась вдоль огорода, они даже не оглянулись. – Отцу скажу, слышишь!

– Сейчас, мама, сейчас, – огрызнулся Нарлы – только бы отвязаться. – Мы быстро.

Они и в самом деле пробыли на огороде недолго. Первым вернулся раскрасневшийся Мулькаман, не глядя на домашних, прошел к Шункару, под уздцы вывел его со двора.

Дети, хоть их никто не будил, тоже вставали чуть свет, вместе со взрослыми. По утрам Создатель раздает людям их доли. Так говорили родители, так говорил дедушка. Они боялись проспать лишний час, чтобы не лишиться чего-то важного, чего – этого они толком не знали. Протирая заспанные глаза, следом за Нарлы направились к главному очагу, где их поджидал Сары-ага.

Остановившись в нескольких шагах от отца, Нарлы одернул рубаху, пригладил бороду, строго посмотрел на ребятишек, мол, будьте серьезными. Потом подошел к отцу, попросил благословения. Старик пожелал всем счастливого дня, спросил,

как спали.

Вот он – старший сын, надежда, опора. Зрелый мужчина, в бороде уже седина показалась. На вид Нарлы даже больше дают, чем на самом деле. Сейчас год лошади, значит, три полных двенадцатилетия и еще шесть лет прожил уже сын. «Была ли у меня в его годы седина?» – попытался вспомнить Сары-ага, но не смог. С любовью смотрел он на Нарлы. Тот, сильный, плечистый, намеренно степенный, сидел, скрестив ноги, преданно глядя на отца. Рядом с ним сидели дети и тоже старались выглядеть степенно, как взрослые.

Невестки принесли еду, чай, стали расстилать сачак. Сары-ага недовольно поморщился: «Куда спешить, еще не вся семья в сборе!».

– Чего-нибудь хочешь, отец? – встревожилась Гюльрух-эдже.

– Нет, ничего не надо. Мульки где-то задерживается.

Бахар что-то шепнула на ухо свекрови.

– Мулькаман-джан уже подъехал, отец, – повторила Гюльрух-эдже сказанное невесткой.

Когда Мулькаман занял свое место, Сары-ага благословил пищу.

– Слава Аллаху, бисмилла... Берите! – Он взял лепешку из джугары, отломил себе кусок, остальное передал Нарлы. Хлеб пошел по кругу, из рук в руки.

После чая Сары-ага отправился седлать Шункара. Он снял наброшенную на коня попону, аккуратно скатал ее, отложил в сторону. Лизнул вспотевшую спину, удовлетворенно покачал головой: в поте не было привкуса соли – Шункар готов к скачкам. Припав ухом к горячему лошадиному брюху, прислушался.

– Хорош, красавец, хорош! – Сары-ага потрепал коню холку.

– Проголодался немного – это не вредно. Вернешься со скачек – сполна корма получишь, а пока съешь вот это... –

Сейис заставил Шункара проглотить кусок курдючного сала, и принялся чистить коня скребницей. Мульки был рядом, но только наблюдал за отцом, тот никому не доверяет готовить Шункара к скачкам. Еще раз пощупав бабки, Сары-ага наконец надел седло, подтянул подпругу и вывел коня во двор. Полюбовавшись, поправил повязку с талисманом и только после этого протянул

недоуздок Мульки.

– Покрутись пока где-нибудь, а я к холмам позже подъеду, перед самыми скачками. И не вздумай, как в прошлый раз...

– Хорошо, отец.

– Шункар лучше тебя знает, что делать. Дай ему волю! И силы береги. Начнешь посыл раньше срока – проиграешь. Выждидай!

– Хорошо, отец! – Мульки легко вскочил в седло, сунул плетъ за кушак, похлопал коня по шее. – С Богом, мой Шункар!

Долго смотрел вслед удаляющемуся всаднику Сары-ага, и невесть почему взгрустнулось. Ночные страхи остались позади, утро было светлое, радостное, грядущий день сулил победу, а на сердце камень лежал...

– Отец, можно мне пойти на скачки? – Нарлы смотрел на него с надеждой, как ребенок.

– Конечно, сынок. Разве можно мужчине не пойти на скачки?

Никто не помнил, когда посадили тутовник, что рос возле кибитки. Дед Сары-ага говорил, что дерево дарило тень людям, когда он сам был мальчишкой.

Когда Создатель сотворил землю, людей, животных и растения, Он залюбовался делом своих рук. Но вдруг увидел среди выжженной солнцем пустыни одинокую кибитку, а у ее порога в окружении сопливых ребятишек мужчину и женщину. Печаль была на лице мужчины. Расстроился Создатель. В одно мгновение перенесся в пустыню, принял облик странника, подошел к одинокой кибитке и стал расспрашивать хозяина о жите-бытье. «Все у нас есть: мы сыты, здоровы... Другое меня печалит – нет красоты в этом мире, – посетовал дехканин. – Эх, были бы у меня крылья, чтоб весь мир увидеть». И тогда дал ему Создатель коня и саженец тутового дерева, а сам исчез.

«Конь и Дерево – они человеку вместо крыльев, – говорил дед. – Нет человеку друга верней, чем хороший скакун. Сердце его отзывчиво на людскую боль. От опасности тебя унесет, поймет твою тоску, когда окажетесь вдали от дома. Землю поможет вспахать, знак подаст, если будет приближаться опасность! А Дерево?.. Оно ли не с тобой всю жизнь? Когда ты

молод, любая ветка его для тебя, что верный скакун: скажешь «но!» – и скачи, куда душа пожелает. Вырастишь, смастеришь из тутовника дутар, тронешь его шелковые струны и вместе со звуками музыки перенесется твое сердце в край мечты. А когда истечет отпущенный тебе срок, в последний путь унесут тебя на тутовом табыте, так-то... Шестьдесят сортов тутовника есть на земле и все они дети того саженца, который подарил людям Создатель».

О, Тутовник! Корни твои ушли глубоко в землю, ветви твои тянутся к солнцу – мир земной и мир небесный собою ты соединил. Тень твоя благословляет три кибитки. Расти вечно, Дерево!

Шах-тут, что рос во дворе у Сары-ага, был красив, но ягод давал немного. Несколько лет назад, чтоб порадовать внуков, старый сеис привил к его ветвям несколько побегов от дерева, что славилось щедрым урожаем. Теперь летом на тех ветвях вдоволь крупных, сладких ягод. И детям хватает пола-комиться, и на зиму сушит ягоды Гюльрух-эдже. Вместе с зерном перемалывает она сушеные ягоды, и нет лепешек вкуснее, чем испеченные из этой муки. Внуки любят их, как самое лакомое кушанье...

А вот побеги, что пошли от корней, никак силы не наберут. По весне растут споро – листьями шумят, но каждый год какая-нибудь незадача: то ветер их ломает, то корова обгрызет. В позапрошлом году Сары-ага отсадил два росточка, на огороде они принялись, а вот в тени старого тутовника их братья никак расти не хотят. Никак Сары-ага не возьмет в толк, отчего так получается. Может, есть какой секрет? Или это просто ему не везет? Ведь у многих односельчан и в тени старых деревьев растут молодые тутовники...

О, Дерево, жизнь всего дома крутится вокруг тебя, Ты всему свидетель! Каждое лето на одной из твоих ветвей качается колыбель, и она, слава Аллаху, никогда не бывает пустой. Шепчут о чем-то листья, убаюкивая младенцев. Под эту колыбельную засыпали в тени Дерева все дети Сары-ага, а теперь спят внуки. И сам он качался в колыбели, слушая эту песню, вечную, как сам мир...

Малыш качается в легкой зыбке, дети постарше играют в песке, который каждую весну привозит Сары-ага. На суку висит мешок с простоквашей – это Гюльрух-эдже готовит сузьму. Сыворотка стекает в деревянную миску: кап... кап... кап... С каждой каплей все короче жизнь. На одну каплю, но короче. А сывороткой женщины моют волосы, чтобы до старости оставались густыми.

Осенью, когда приходит срок подрезать ветви, Сары-ага все делает сам, никому не доверяет, хотя работа нелегкая. Несколько лет назад Нарлы вздумал помочь отцу, сам залез на тутовник. Но Сары-ага не похвалил его, обиделся: «Умру, тогда и будешь хозяйничать!». Даже дети, как ни велик соблазн вскарабкаться на дерево, когда дед дома, и помышлять о таком не смеют!..

Между ночью и днем есть недолгий пограничный час, когда кобылицы рожают самых длинноногих жеребят. Солнце еще не поднялось над горизонтом, его косые лучи хотя уже прогнали тьму, но пока еще не в силах победить ночной прохлады. Опытный наездник знает, что только в эту пору набирают кони резвости, впитывают ее в себя со свежим воздухом.

Несется конь наперегонки с ветром, и нет нужды его горячить. Все свои силы готов отдать скакун, увлеченный азартом погони. Широкая грудь рвет уплотнившийся воздух, а тот дразнит «догони!.. догони!.. догони!..».

Наездник, он хорош тем, что не мешает насладиться солнцем, свежим воздухом, скоростью.

Прекрасны эти мгновения!

Жаль только – коротки...

Приходит срок возвращаться.

Нежаркое утреннее солнце ласково греет спину, круп. Но наездник заводит в затишь, а там всегда полумрак. Шункару хочется побыть во дворе, он капризничает. Но в конце концов приходится подчиниться.

Человек хитер. У него сто уловок, чтобы обмануть коня, подчинить его своей воле.

Человек любит Шункара.

Старик бросает под ноги коню охапку душистого, нежного, как

бархат, клевера, ставит миску с ячменем. Когда старик рядом, Шункару хорошо.

Но старик уходит.

Стоит ему закрыть за собой дверь, как в затишь сквозь щели залезают прожорливые воробьи. Их щебетание раздражает. Налетают на ячмень, точно он для них приготовлен.

Шункар не любит их.

Он подходит на шаг к миске, мотает головой.

Воробьи не боятся лошади. Чтоб прогнать их, приходится опрокинуть миску. Но птицы не улетают, продолжают клевать зерно. Насытившись, вконец обнаглев, садятся ему на спину, начинают чиститься.

Шункар зол.

Он брыкается.

Но воробьи настырны... Приходится звать хозяина.

Шункар коротко ржет, кося глазом.

Открывается дверь.

Застигнутые врасплох птицы, трепеща крыльями, продираются сквозь щели в хворостяной крыше.

Но и когда воробьи улетают, Шункар неспокоен: норовит выйти из затиши.

Привязь коротка, сдерживает.

Он опрокидывает ведро с водой. Скалится, чтоб напугать старика: сейчас укушу.

– Не надо, Шункар. Не надо, не сердись! – Голос сейса звучит ласково.

Старик не боится коня, он любит его.

В том, кто любит, нет страха.

Шункар не хочет оставаться в одиночестве.

Пусть старик будет рядом.

Пока Шункар неспокоен, старик не уйдет. Голос старика обладает какой-то неведомой силой. Он обволакивает, успокаивает.

Старик уходит.

Тишина.

Шункар стоит, прислушиваясь к ней.

Даже самый слабый звук сейчас для него развлечение.

Проходят мимо затиши дети.

Это свои, конь знает их походку. Они привыкли, не обращают на него внимания.

Конь любит, когда приходят чужие, соседские ребяташки.

Для них Шункар – тайна, чудо.

На старую серую кобылу, что стоит в соседнем деннике, они и не смотрят.

Сквозь щели в изгороди разглядывают Шункара.

Глаза их горят от восторга.

Конь знает: они мечтают хоть разок сесть в седло, промчаться верхом, чтобы все село завидовало.

Нет, не завидовало – гордилось!

Мечты детей возвышенней, чем у взрослых!

Как звонки их возбужденные голоса, как приятны похвалы!..

«На два корпуса опередил он всех!»

«На три!..»

«Нет лучше коня!»

«Во всей округе!..»

«Во всем Ахале!..»

«В целом мире!..»

«Самый лучший!..»

«Самый-самый!..»

Шункар не понимает слов, но знает, что его хвалят, что им восхищаются.

Неразумные дети...

Но ведь и взрослые тоже говорят о нем так же восторженно!

Они правы: он самый-самый...

Не надо показывать, что приятно.

У коня должна быть гордость.

Не надо, чтоб хвалили в глаза.

Шункар негромко фыркает; ленивый, вечно сонный Алабай понимает его, раздражается громким бухающим лаем.

Детишки убегают, шлепая босыми ногами по пыли...

Тишина.

В затиши всегда полумрак.

Дурманящий запах трав.

Он напоминает о пастбище... Но там много солнца, а здесь – серо, точно утро никак не наступит.

На пастбище все в диковину, а здесь – знакомо. Все на своих местах: у двери – метелка, на столбе – сбруя, над дверью – щепка священного дерева и кабаний клык.

Они хранят от сглаза.

За перегородкой, в соседнем деннике шумно, с посвистом дышит серая кобыла.

Шуршит сено, это кто-то достает из ямы зерно.

Для кого?..

Для серой кобылы?..

Сейис приносит корм.

На серую никто внимания не обращает.

Лет десять назад было не так. Как хвалили люди ее резвость, ее несравненную статью! За одно лето она выиграла Дурды-баю пять скачек! Но слава лошади не дольше шумного летнего дождя: глазом не успеешь моргнуть, как он кончился. На скачках в Дашгуи Серая, избалованная легкими победами, сразу взяла резво и надорвалась. Другие скакуны обошли ее, когда до колодца, где сидели, поджидая конца скачки, зрители, оставалось сажень пятьдесят. Обозленная, она собрала остаток сил, пошла широким махом, не замечая, что удила впились в мясо, что наездник сдерживает ее. Промелькнули мимо другие кони, впереди был лишь буланый. Она почти сравнялась с ним. Какой-то миг под крики толпы они шли ноздря к ноздре. Но буланый рванулся, а ей еще на один, последний рывок не хватило сил – она задохнулась пылью из-под копыт буланого.

Сары-ага боялся, что Серая умрет, что сердце ее хоть и не разорвалось от бешеной скачки, но поражения, позора не перенесет. Лошадь не умерла; ее отпоили лечебным курдючным жиром, кое-как вылечили. Но о скачках и думать было нечего! Дурды-бай подарил калеку своему сейису: бедняку все пригодится! Что ж, тяжелый груз везти Серая не могла, но если не подгонять, не торопить – арбу тащила.

Последние две весны Сары-ага пас Серую и Шункара в предгорьях, к юго-востоку от Ханара. Места там были на редкость красивые, и травостой прекрасный. Поначалу Шункар не хотел пастись рядом со старой кобылой, все норовил отойти подальше, быть в одиночестве.

Старая лошадь шла следом.

Шункар нападал на нее, вставал на дыбы, грозно ржал, однажды укусил до крови...

Чего только ни делал Сары-ага, чтоб образумить Шункара! «Разве мало здесь простора для двоих? – шептал он, глядя на коня.

– Не будь высокомерным, Шункар, ведь вы одной крови!»

Уговоры не помогали. Наконец сейису все это надоело, и он отвел Серую пастись выше по склону.

Каково же было его удивление, когда через несколько дней он увидел, что Шункар пасется рядом со старой лошастью. Они брели рядом по лугу. Когда Серая останавливалась, останавливался и Шункар, терпеливо ждал, пока кобыла, положив голову ему на шею, грелась на солнце, отдыхала.

«Ты только посмотри, что творится! – рассказывал потом Сары-ага сыну. – Чего не смог сделать человек – сделало время. Беда, что человек всегда торопится!..»

Присматривать за Серой Сары-ага доверил женщинам. Они должны были кормить и поить ее. Но разве им ведомо, как надлежит ухаживать за лошадью: кормят корову – и кобыле дадут охапку сена, поят верблюдицу – заодно и Серой воды плеснут. «Что ж вы делаете! – накинулся он однажды на Бахар, когда та положила в кормушку рубленой соломы. – У лошади желудок нежней, чем у ребенка!»

Несколько дней после этого он сам ухаживал за старой лошастью: почистил ее скребницей, положил новую подстилку, накормил клевером и зерном.

Гюльрух-эдже проклинала Дурды-бая:

«Избавился от клячи, свои заботы на нас переложил. Нашел дурня!..»

«Совести у тебя нет, женщина! – ворчал Сары-ага. – Пока она призы выигрывала, ты нахвалиться ею не могла, а теперь пучка солодки жалеешь. О своем завтрашнем дне подумай!».

Потом сейис надолго забыл о Серой. Все его мысли были заняты Шункаром, ему одному принадлежала вся его любовь. Теперь если он и заходил изредка к ней в денник, то лишь за тем, чтобы похвалить молодого жеребца. Он знал, что Шункара ждет великая слава!

Кому кроме старой лошади мог он сказать о своих мечтах? Люди только посмеются, чтоб не выказать зависти... Сыновья?.. Нарлы далек от всего этого, а Мулькаман слишком честолюбив... Сары-ага любил сидеть в деннике у Серой, думая обо всем этом.

«Что ты этой клячей любишься? – спросила как-то Гюльрух-эдже. – Выгони ее в степь, и дело с концом!»

От обиды старый сейис не нашел что сказать, но так посмотрел на жену, что та поспешила уйти из кибитки.

«Кони сводят мужчин с ума!.. Не дай бог, если и внуки увлекутся ими, – пожаловалась Гюльрух-эдже старшей невестке. – Хорошо хоть Нарлы заботится о доме!»

Шункар и Серая были одной крови. В обоих текла кровь знаменитого жеребца. Он приходился Шункару прадедом по материнской линии, а от матерей кони наследуют свои лучшие качества. Его отцом был тот самый буланный, что обошел некогда Серую на скачках в Дашгуи. Он и сейчас жив. А мать Шункара умерла от сапа.

Когда Шункар родился, Сары-ага было достаточно одного взгляда, чтобы предугадать его славное будущее. Но он не выказал своих чувств и долго еще придирчиво приглядывался к жеребенку. Выпуклый лоб был верным признаком покладистости и в то же время смелости; широкая грудь и равное количество ребер говорили о том, что скакун вырастет выносливым. И ноги у жеребенка были длинные. Но больше всего радовало сейиса, что этот конь – его собственный. Откровенно говоря, за свою долгую жизнь он видел жеребят и получше, но те были чужие. А этот – его, и Сары-ага не уставал искать все новые и новые достоинства.

Матери Шункара это не нравилось, она ревновала.

Детство Шункара прошло на пастбище. Но беззаботная, счастливая жизнь продолжалась недолго. Однажды сейис отбил его от матери, привел в село. Там, во дворе, уже была вырыта глубокая землянка, куда и поместили Шункара. Сверху яму прикрывал хворост. Чтобы увидеть синеву неба, жеребенку надо было часами стоять, задрав морду. От этого – сейис знал – крепче становилась шея. И корм Шункару насыпали в ямку, углубленную примерно на пядь, дотягиваться до зерна приходилось с усилием,

зато теперь все знатоки соглашались, что ни у одного коня в округе нет такой стройной длинной шеи, как у Шункара.

Жеребенок мечтал освободиться из темницы, звал на помощь мать, мечтал, что она уведет его прочь, на луг, где много солнца и высокая трава. Кобыла, она была рядом, во дворе, всякий раз откликалась на его зов. Но Шункар не видел ее, звал снова и снова, полагая, что мать не может найти его в темноте. И это была еще одна уловка человека, который кормил его: пусть легкие коня станут просторными, а дыхание – легким. Хозяин (человек, что приносил ему корм, был хозяином) приручал Шункара, чистил, говорил ласковые слова. Но конь тогда не любил его и побаивался.

Иногда к яме, где содержали жеребенка, приходила женщина и ругала хозяина:

– Дома джугары не осталось, а ты кормишь его ячменем. Все забыл из-за этого жеребенка. Дай тебе волю, так нас продашь, лишь бы его холить. Тоже мне – бай-ага... Разве мало тебе чужих лошадей? Дети не видели от тебя столько ласки! На них ты только кричать умеешь, все добрые слова – только для лошади!

Шункар, конечно, не понимал, что она говорит, но по тому, как мрачнело лицо хозяина, догадывался: женщина недовольна тем, что жеребенка лишили света. Правда, иногда, когда хозяина не было поблизости, она забирала у Шункара клевер и относила его корове.

Кто приносит корм – тот хозяин. Значит, эта старая женщина – хозяйка коровы.

Сорок дней продолжалось его заточение в темнице. Потом хозяин вернул Шункару солнечный свет, но придумал новую пытку – уздечку надел на него. Это было неслыханное оскорбление. Шункар рвал недоуздок, делал «свечку», грыз удила, пытаясь освободиться. Напрасно. Зубы Шункара были крепки как сталь, но удила, оказалось, еще крепче. Пришлось смириться с уздечкой, с привкусом железа во рту. Хуже было другое: свободный от рождения он потерял свободу. Теперь, куда вел его хозяин, туда и шел Шункар. По тоненькому кожаному ремешку воля хозяина неведомым образом передавалась ему, заставляя подчиниться, и

никогда не было наоборот. Шункар страдал от этого.

Впрочем, вскоре ему открылись и достоинства этой несвободы. Хозяин умел предугадывать его желания. Бывало сейис вел его в затишь, Шункар, как мог, сопротивлялся, упрямясь, но, увидев миску, полную отборного зерна, понимал, что голоден. В такие минуты конь чувствовал себя виноватым. Хозяин лучше разбирался в его чувствах, чем он сам. Вот ведь как! Он сопротивлялся воле хозяина, хотел освободиться, распаля себя, вспоминал все обиды, причиненные ему человеком, а на самом деле просто хотел есть, но не признавал этого.

Хозяин догадлив!

Вот так же, он привел Шункара однажды на пастбище, о котором конь так часто мечтал, которое грезилось ему ночами. Сейчас хозяин вернет ему свободу! Вместо этого старик накрыл его спину попоной, а поверх ее положил тяжелое седло. И снова Шункар сначала бунтовал, но после постепенно привык к грузу. За все в жизни, видно, приходится платить. А здесь так много света, такая высокая, сочная трава, такой простор вокруг!.. Вместе с хозяином за Шункаром ухаживал смазливый, вечно улыбающийся парень по кличке Мульки. Так звал его хозяин. И Мульки, хоть на нем и не было узды, подчинялся его воле беспрекословно, даже не пытаясь сопротивляться.

Незавидная у него доля!

Хотя Мульки человек, а не конь, Шункар ему сочувствовал.

Это приносило удовлетворение: всегда приятно сознавать, что кому-то еще хуже, чем тебе самому. Это примиряло Шункара и с уздечкой, и с седлом.

Однажды Мульки (конечно же по воле хозяина!) – осмелился на неслыханное – вскочил в седло. Шункар чуть не обезумел. Он грозно ржал, брыкался, вставал на дыбы. Но Мульки сидел в седле как влитой. Удила рвали пасть. В какой-то миг Мульки чуть-чуть ослабил повод, видно, силы его были уже на исходе, и тогда Шункар помчался во весь опор на северо-восток, подальше от этих проклятых мест, где ему пришлось испытать столько позора, столько унижений. Знакомые места остались позади, он ждал, что наездник вот-вот упадет, задохнувшись наотмашь бьющим в лицо ветром.

О, как прекрасно было скакать, вновь почувствовав себя свободным! Как замечательно знать, что ты силен, что для тебя нет в этом мире преград, что, если захочешь, можешь унести на край света! Наслаждаясь этой безудержной скачкой, – нет! – полетом, он совсем забыл, что в седле сидит человек. Может, из-за этого и ошибся в своих силах, не смог доскакать до края света, устал, пошел рысью, подчинился воле наездника. Конечно, Мульки – не хозяин, только – сын хозяина, но за то, что он подарил счастливые мгновения свободного бега, Шункар простил его. Если твоя судьба – неволя, разве можно обижаться на человека, который хоть ненадолго дает тебе почувствовать себя вольным, независимым! За это все можно простить!

Прежде Шункар думал, что в жизни нет ничего лучше, чем скакать по цветущей степи, лететь куда глаза глядят. Но оказалось – есть еще скачки! Только в соперничестве, когда рядом с тобой несутся другие кони, сильные, полные решимости победить, оказывается, по-настоящему узнаешь, на что ты способен. Когда приходишь первым, хозяин и Мульки радуются словно дети.

Это рождает в твоём сердце гордость: ты лучше других, ты лучше всех!

Когда первым прийти не удастся – так случается изредка – сердце кровоточит от обиды. В такие минуты он ненавидит победителя больше, чем людей, хотя и понимает его – всякому хочется быть первым.

Вот солового, который и сам не победил, и Шункару помешал вырваться вперед, он понять не может.

Солового он никогда не простит!

Чтобы простить, надо понять.

Коню невдомек, что помешал ему не соловый, а его наездник.

Откуда ему знать об этом!..

Но даже такие, как соловый, не заставят его разлюбить скачки.

Он рожден для борьбы, для побед.

Жаль, что скачки бывают не часто.

Людей не понять.

Скачки доставляют им радость, так почему же они не устраивают их каждый день?

Разве не все в их воле?

Неужели хозяин тоже несвободен, тоже подчиняется кому-то, как подчиняются ему и Мульки, и Шункар, и хозяйка коровы?

Зачем он неделями держит Шункара в затиши, где нет ни простора, ни солнечного света?

Всегда полумрак...

Тишина...

В прежние годы все мысли Сары-ага были заняты только лошадьми, теперь он все чаще думает о дереве. Он немного завидует тутовнику. Тот осенью умирает, но весной оживает вновь: лопаются почки, молодая зелень покрывает вчера еще голые ветви. Потом наступает лето. Листва становится густой, дарит прохладную тень. Затем холодные осенние ветра принесут дереву старость, листья порыжеют, вихрь оборвет их с родных веток, унесет в неведомую даль. Голые ветви будут стучать ночами под порывами ветра.

Потом опять наступит весна – начнется новая жизнь.

«Разве не бессмертен шах-тут! Каждый год он новый, но само дерево – вечно. Почему людям не дарована такая же доля?»

Все чаще и чаще думал об этом старый сейис, но поделиться своими мыслями с кем-нибудь не решался. Поймут ли его? А, может, посмеются, скажут, что выжил из ума?.. И чем больше размышлял он о бессмертии, тем сильнее замыкался в себе. А дерево – могучий шах-тут – ворчливо шумело листвой, словно догадывалось о мыслях Сары-ага. О его тайных мыслях...

* * *

Powestler